

И. С. Семенов,
кандидат исторических наук.
Институт мировой экономики
и международных отношений РАН

Группы интересов в российском социокультурном пространстве¹

Исследование роли, направлений и форм деятельности групп интересов в обществе, переживающем период радикальной трансформации, ориентирует на изучение деятельности этих групп во всех сферах общественной жизни. Такой комплексный анализ самих групп, характера и механизмов их воздействия на экономику и политику России уже появился в ряде работ². Вместе с тем социокультурное пространство как специфическая область группового воздействия пока в основном

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского научного гуманитарного фонда (проект К? 99-03-19875).

² См.: *Перегудов С.П., Лапина Н.Ю., Семенов И.С.* Группы интересов и российское государство. М., 1999.

обойдена исследовательским вниманием. Однако для России именно эта сфера, задающая направления изменений в политической культуре общества и корректирующая модель и темпы трансформации, наглядно демонстрирует некоторые специфически российские черты взаимодействия групп с государством и властными структурами различного уровня.

Западные культурные стандарты стали проникать в СССР задолго до перестройки и воспринимались массовым сознанием как достижения передовой культуры. В первые постперестроечные годы вестернизация потребления, в том числе и в культурной сфере, рассматривалась как неотъемлемая часть процесса модернизации в политических кругах, среди представителей демократической интеллигенции.

К началу 90-х годов единое культурное пространство бывшего СССР быстро дезинтегрировалось под влиянием пересмотра ценностей официальной идеологии и падения "железного занавеса", открывшего государству навстречу ветрам западных влияний. Одним из факторов культурной эрозии на постсоветском пространстве стала нарастающая волна местного национализма. В результате была обращена вспять тенденция формирования единого культурного пространства, отмеченная поступательным развитием в истекшем столетии.

Этот процесс прошел через несколько этапов. На первом, в начале века, наметилась тенденция к постепенному преодолению унаследованного от петровских времен разрыва между светским и церковным искусством и "возрождения их стиливого и содержательного единства"¹. Основа интеграции была заложена расцветом русской религиозной философской мысли. Прерванный войной и революцией процесс становления единого культурного пространства возобновился на основе насильственного насаждения господствующей идеологии под флагом культурной революции. Знаменосцем выступало государство, продвигавшее стереотипы социалистического культурного потребления на всех этапах общественного здания. Известное постановление ЦК ВКП(б) от 1932 г. "О перестройке литературно-художественных организаций" заложило основы образования единых творческих союзов, стоявших на безальтернативной идеологической платформе, которая пришла на смену разброду и шатанию первого послереволюционного десятилетия. Прораствание контркультуры на обочине культурных процессов в период хрущевской оттепели сопровождалось попытками интеграции ее авторитетных представителей и отбрасыванием радикалов, по сути, за грань выживания. "В последние годы своей истории СССР обладал весьма уникальной поддерживающей социальный порядок культурой, которая умела гасить дестабилизирующие тенденции и

¹ Подробнее о тенденциях развития русской религиозной философии, религиозного и светского искусства на рубеже веков см.: *Кириченко ЕМ.* Русский стиль. М., 1997. С. 288-303.

не знала до поры до времени поражений", — считает Б.М.Фирсов¹. Это умение вырабатывалось в результате поддержания баланса сдерживающих, охранительных тенденций и ограниченного допуска профильтрованных элементов культурного новаторства.

Уже в появившейся в начале 70-х годов пионерской работе канадских исследователей Г.Скиллинга и Ф.Гриффитса был поставлен вопрос о существовании в рамках советской действительности групп мнений (*opinion groups*), которые, не будучи оформлены организационно, оказывали ощутимое, хотя и опосредованное влияние на процессы принятия решений². К таким относились, например, сообщества представителей гуманитарных творческих профессий, технической интеллигенции, группировок в составе номенклатуры, которые поддерживали некоторые элементы плюрализма мнений. Размывание в брежневские десятилетия ценностных ориентаций, культивировавшихся официальной идеологией, наложилось на известные особенности национального характера и породило неоформленный "кухонный протест". Именно в этот период западный культурный опыт стал синонимом передового. Стремление перенять те стереотипы, которые культивировались там на почве расползания вширь молодежной культуры, наталкивалось на ожесточенное сопротивление и проникало на советскую почву чаще по каналам контркультуры (в то время как на Западе эти формы уже стали массовым продуктом).

Перестройка обнаружила несовпадение фаз культурного развития. Передовое у нас, долгое время находившееся в подполье, в одночасье выплеснулось на поверхность и было в какие-нибудь 5—7 лет поглощено волной вестернизации. Апелляция к Западу в форме горбачевского нового мышления сопровождалась в культурной сфере освоением белых пятен — наследия русского зарубежья, изданием неопубликованных сочинений и стремлением представителей творческих профессий добиться быстрого признания на Западе. За вестернизацией стояли идейные установки групп и находившихся у власти либеральных реформаторов, рассматривавших ее как необходимое условие поступательного развития модернизационных процессов. Между тем, как считает Н.Ф.Наумова, определяющая характер модернизации в России как рецидивизирующей, одна из существенных ошибок такой установки — "неиспользование исходного, стартового культурного потенциала. Выбирая не мягкую, европейскую, модель развития с ее определенной заботой о слабых и проигравших", а американскую, "для которой характерна более конкурентная и жесткая модель выживания", реформаторы действуют не без давления извне. И в результате таким образом идет смена цивилизационных ценностей, духовных ориентиров, что

¹ Фирсов Б.М. Куда идет российская культура? // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год. М., 1999. С. 355.

² Shilling G., Griffiths F. Interest Groups in Soviet Politics. Princeton (NJ): Princeton University Press, 1971.

не может проходить безболезненно... Экономическое и культурное насилие как почти обязательная черта запаздывающих модернизаций, в том числе российских реформ, — следствие исторической паники элиты, страха перед отставанием, неверия в народ и самостоятельный путь собственной страны, неспособности найти, познать, почувствовать этот путь. Отсюда суэта и агрессия власти"¹.

Вестернизация как процесс быстрого и агрессивного вбрасывания западных стандартов потребления в сферах и материального, и культурного потребления действительно не имела опоры ни в молодежной культуре, национальный вариант которой практически отсутствовал, ни в экономическом и культурном потенциалах человека, в одночасье проснувшегося постсоветским. Стремление иметь то, что есть у нормального человека на Западе, весьма смутно определяло предмет вождения и редко стимулировало размышления о социальной цене реализации такой мечты.

Сознательно культивировавшееся правящей элитой упование на западную помощь зафиксировано в многочисленных опросах первых постперестроечных лет. Вместе с тем немалая часть респондентов уже в этот период выразила полное или частичное согласие с суждением, что "Россия может стать колонией Запада"².

На основе опроса, проведенного в середине 1999 г. Фондом "Общественное мнение", большинство россиян (69% респондентов) поддерживали необходимость выбора Россией своего особого пути развития, лишь 23% отдали предпочтение ориентации на общемировые пути развития. 62% опрошенных оценили происходящие в последнее десятилетие перемены как утрату самобытности³. Согласно данным другого опроса, в центре внимания которого стояли проблемы, связанные с западной помощью, 39% респондентов поддерживали мнение, что сотрудничество с западными странами приносит России больше пользы, чем вреда, а 36% выразили противоположное мнение. При этом большинство опрошенных (23%, 18 и 28%) высказались в пользу первоочередного укрепления отношений соответственно со странами Западной Европы, с США и Канадой и со всеми странами⁴. В опросах фиксируется тенденция роста анти-

¹ Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России: Беда, вина или ресурс человечества? М., 1999. С. 11-12. См. также: Романова З. Латинская Америка на исходе столетия // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 5. С. 127-128.

² Данные почтовых опросов городского населения, проведенного Институтом социально-политических исследований РАН, свидетельствуют о возрастании числа поддерживавших этот тезис. В мае 1992 г. таких было 35% от общего числа респондентов, в мае 1993 г. — 32%, в мае 1994 г. — 47%. (См.: Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. Политическая культура и социальные изменения. Международные сравнения. М., 1998. С. 338.) Число озабоченных проблемой зависимости резко возросло после балканского кризиса.

³ Сообщение Фонда "Общественное мнение". 1999. № 52(507). С. 50.

⁴ Там же. № 54 (509). С. 46, 49, 50.

западных настроений, особенно после балканского кризиса, но не собственно изоляционистских ориентаций, хотя вербальный выбор был сделан в пользу российской самобытности.

Ставка политических кругов России на широкое привлечение западных спонсоров в лице международных финансовых институтов и влиятельных фондов вносили в российский вариант модернизации элементы зависимости и в смысле заимствования моделей реструктуризации, и в виде прямой опоры на ресурсы донора. Внешние усилия по стимулированию развития элементов гражданского общества в России действительно могли создавать новый и организовывать нарождающийся снизу социокультурный опыт. В этом смысле интересной представляется модель деятельности в ряде регионов России ресурсных центров, созданных в течение двух последних лет под эгидой ряда западных фондов. Эти структуры занимаются поддержкой и продвижением некоммерческих интересов в регионах. По итогам первого конкурса за 1998-1999 гг. были профинансированы 30 заявок на создание таких центров из различных регионов России, в том числе из депрессивных, по итогам второго года конкурса — 17 проектов. Но ограниченность программы двухгодичным сроком позволяет прогнозировать очень высокий уровень смертности этих ростков гражданского общества именно в силу их ориентации на внешние разовые источники финансирования.

Трудно переоценить влияние на моделирование стиля жизни упрочившихся на российском рынке в постперестроечные годы крупных западных корпораций. Восприятие ресторана быстрого обслуживания "Макдональдс" как "элементарной американской иконы"¹ в момент ее появления на тогда еще пустом российском рынке поддерживало стремление приобщиться к недоступному ранее кусочку американской мечты. За десятилетие деятельности этой фирмы на российском рынке глянец новизны заметно потускнел, и резко возросли возможности выбора. Однако "Макдональдс" успел стать привычной частью городской среды, а уровень предлагаемого продукта по-прежнему оценивается достаточно высоко. Вместе с тем рост антиамериканских настроений стимулировал усилия по выпуску продукции под местными товарными знаками, в том числе и крупнейшими западными инвесторами.

Новая модель культурного потребления интегрировала в формы массовой культуры западного образца и собственные, поданные в национальной обертке. Это своеобразная инверсия развития неолокалистских настроений на Западе, но развивавшаяся в условиях зависимой модернизации на обломках советских культурных стереотипов. Для нее характерно причудливое сочетание стремления приобщиться к западным образцам массовой куль-

¹ Ritzer G. The McDonaldisation Thesis: Is Expansion Inevitable? // International Sociology. 1996. N 11. P. 299.

туры и попыток принизить их ценность, сочетание интегрирующего чувства национальной гордости и национального унижения. Усиленно распространяемые российской публицистикой оценки состояния общественного сознания как духовного кризиса и идейного вакуума вряд ли, однако, адекватно отражают противоречия в общественном сознании, характерные для периода радикальной общественной трансформации в рамках модели зависимой модернизации.

К.Г.Холодковский на основании анализа корней и характера исторической дифференциации российского общества приходит к выводу о наличии (в первом приближении) трех основных, формирующих социокультурное поле России субкультур. Это квазитрадиционалистская субкультура, которая «формирует активных и в еще большей степени пассивных противников модернизации. Затем — противостоящая ей "индивидуалистическая по своей определяющей установке и мегаполисная по основному ареалу распространения" субкультура. Проявление ее незавершенности — "сравнительная ограниченность ареала, в котором она может быть признана доминирующей", и наличие нескольких "ядер" внутри этого ареала — интеллигентской культуры, связанной прежде всего с гуманитарной интеллигенцией, предпринимательской, молодежной». "К противостоянию этих двух субкультур примешивается третья, отражающая ценности деклассированных и люмпенизированных слоев, являющихся характерным продуктом уродливой модернизации советского и постсоветского времени", причем периферия двух других субкультур находится под "ее агрессивным влиянием"¹.

Во всех трех субкультурах присутствует сильный материалистический компонент. В условиях расползания вширь потребительского индивидуализма ценности, составляющие неотъемлемую характеристику постмодернистского социокультурного пространства, не пустили пока в России глубоких корней. Главная причина очевидна: уровень экзистенциальных запросов (экономической и физической безопасности) не соответствует их реальному наполнению, а ценности выживания поддерживали общественный запрос на обеспечение порядка руками сильной власти на стабильно высокой отметке. Сегодня сильная рука важнее, чем политическое лицо.

"Элитные" группы интересов обеспечивают выполнение общественного запроса через механизмы патронажно-клиентелярного взаимодействия. Такие механизмы поддерживают функционирование властно-управленческих конгломератов на уровне регионов и крупных городов. Здесь консолидированное и безальтернативное голосование является важным результатом формирования консенсусной модели отношений политико-административной элиты и населения, а роль связующих звеньев между принимающим решения

¹ *Холодковский К.Г. О корнях идейно-политической дифференциации российского общества // Человек в переходном обществе. Социологические и социально-психологические исследования. М.: ИМЭМО. 1998. С. 79-81.*

сообществом и избирателями выполняют взаимодействующие с властными структурами группы интересов. Речь идет о широком спектре акторов — от промышленных корпораций, которые выступают не только в интересах своего высшего руководства, но и всего социального компонента¹, до групп и объединений по интересам, представляющих социальные требования или творческие коллективы различного профиля в спектре от организаций, занимающихся лоббированием творческих проектов, до групп мнений или управленческих команд (например, журналистов, политических консультантов или специалистов по политическим технологиям). "Знаковые" проекты в области культурной политики и широкое использование технологий обеспечивают массовую общественную поддержку властным структурам и используются как инструменты социально-политической консолидации.

Группировки "интересов от культуры" на протяжении советского периода были влиятельной силой, поддерживавшей идеологию режима, а отношения в самой культурной среде были иерархизированы по вертикали творческих союзов и министерств. Радикальная трансформация экономических и политических институтов привела к размыванию строго иерархизированной управленческой вертикали. Влиятельные и известные представители творческой интеллигенции оказали заметную поддержку реформаторскому движению в период становления новой политической системы. Значительное число этих людей было интегрировано во властные структуры федерального, регионального, городского уровней. Политические "деятели от культуры" оказались востребованными в условиях пресловутого "духовного кризиса". Как члены политических сообществ разной идеологической направленности, они взяли на себя часть ответственности за поддержание определенного уровня общественного консенсуса, в первую очередь от имени партии власти. Речь идет об обеспечении поддержки в форме участия в различных популярных проектах, знаковых для социокультурной среды и призванных обеспечить авторитет стоящего в центре властно-управленческой структуры хозяина².

¹ Подробнее см.: *Перегудов С.П.* Крупная российская корпорация как социально-политический институт // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем... М., 1999. С. 183-193.

² М.Бри называет эти сетевые структуры власти и управления "городскими машинами" (urban machines). Этот термин описывает режим как систему политического взаимодействия (торга), в рамках которой власть стремится опереться на большинство электората путем создания системы патрон-клиентных взаимоотношений и сформировать властную структуру клиентелярного толка, интегрирующую влиятельную часть экономической и интеллектуальной элиты. Тем самым обеспечивается контроль за исполнительной властью и запускается механизм фактически безальтернативных выборов при сохранении совокупности формальных признаков демократического режима. *{Brie M. The Political Regime of Moscow // Creation of a New Urban Machine. В., 1997. P. 8-9.}* Первые упоминания о работавших по такому принципу властных структурах содержались в работах М.Острогорского, С.Лоу, Дж.Хобсона (1910-е годы).

Так, интегрированная в московский политико-управленческий конгломерат часть творческой элиты представляет собой формально не структурированную, но фактически весьма сплоченную группу. Процесс создания нового московского культурного ландшафта можно описывать и в терминах "церетелизации". В состав включенной элиты входят известные мастера московского архитектурного стиля, избранные представители театральной элиты, шоу-бизнеса, музейного дела, творческих профессий, известных образовательных учреждений. Столичное положение Москвы как центра культурной жизни обеспечивает узнаваемость представителей культурной элиты. Грандиозные масс-культурные мероприятия последних лет (празднование 850-летия города и пушкинского юбилея, проведение Всемирных юношеских игр и шумных политических тусовок) обеспечивались в основном силами вхожих во власть интеллектуалов, способных подавать требуемый культурный продукт в национальной, державной или иной нужной на данный момент обертке.

Именно представители вхожей во власть группировки деятелей от культуры получали львиную долю средств из городского бюджета для осуществления крупнейших организующих городскую среду проектов. В их числе — архитектурно-скульптурный комплекс Манежной площади, который, согласно данным опроса 1998 г., организованного редакцией журнала "Архитектура и строительство", является бесспорным фаворитом среди возведенных за последние годы архитектурно-художественных объектов. Столь же несомненным аутсайдером стал памятник Петру I работы того же автора¹. Предпочтение первому объекту, несомненно, связано и с его утилитарными качествами, и с уровнем и характером культурно-эстетических оценок. Однако резко негативное (во всех возрастных группах и в категориях москвичи — приезжие) отношение к петровскому монументу, необъяснимое с точки зрения приложения тех же эстетических критериев, было сформировано под прямым воздействием широкомасштабной пропагандистской кампании, развернутой противоборствующей группировкой деятелей от культуры. Эта группа, объединившаяся вокруг "Московской альтернативы", принадлежит к лагерю непримиримых критиков нынешнего московского мэра.

Ожесточенная борьба вокруг "знаковых" проектов московского культурного ландшафта стимулировала принятие городского закона "О порядке возведения в Москве произведений монументально-декоративного искусства" и создание комиссии по монументальному искусству при Мосгордуме из числа представителей авторитетных искусствоведов и деятелей культуры. Этот институт экспертной оценки имеет, однако, только совещательный голос и ограниченную сферу экспертизы (только мону-

¹ Архитектура и строительство России. 1998. № 2. С. 12-29.

ментальное искусство). В среде же самих законодателей эти меры расцениваются как "символ недоверия москвичей к своей власти в сфере художественной политики"¹.

Дискуссия вокруг московских культурных проектов, переброшенная со страниц специализированных изданий в средства массовой информации, давно уже отражает не столько накал искусствоведческих споров, сколько противоборство враждующих элитных групп интересов. Противоречия между федеральными и московскими властями превратили культурную сферу в один из факторов ожесточенного противостояния. Федеральное правительство фактически не финансирует в столице никаких крупномасштабных культурных инициатив. Амбициозный проект реконструкции Большого театра, который должен был осуществляться за счет бюджета, фактически был полностью провален и перешел к московскому правительству. Именно оно является заказчиком и спонсором "знаковых" проектов в культурной сфере, работающих на авторитет столичной власти. Не случайно и культивирование так называемого московского стиля, сочетающего державно-националистические элементы и принципы освоения классического наследия с новейшими технологиями. Аналогичная модель культурного строительства успешно используется и местными элитами в крупных городах (С-Петербург, Свердловск и др.) как одно из средств поддержания социального консенсуса и авторитета власти.

Местные элиты сегодня активно теснят на социокультурном поле федеральную власть. Там, где градообразующую или регионособирающую роль играют национальные корпорации, уже есть примеры их подключения к реализации региональных и городских проектов в культурной и социальной сферах. Но для национального корпоративного сектора социокультурная среда пока не стала приоритетным направлением деятельности.

На этапе становления корпоративного сектора его представители больше озабочены проблемой создания положительного корпоративного имиджа за счет участия в громких благотворительных или массовых зрелищных акциях.

Что же касается гражданских движений культурных инициатив, то их деятельность также часто замыкается в рамках сотрудничества с местной властью. Попытки огосударствления успешно работающих в социальной и культурной сферах организаций предпринимаются путем, например, придания им муниципального статуса, открывающего перспективу доступа к денежным и другим материальным ресурсам. Многие альтернативные движения ориентируются на западные источники финансирования. Некоторые продолжают существовать в виде слабо организованных, аморфных образований, в основном ориентированных

¹ Сегодня. 2000. 24 февр.

на традиционные, унаследованные от советских времен формы (типа клубов самодеятельной песни). Между тем специфика нынешнего российского социокультурного контекста свидетельствует в пользу необходимости поиска форм диалога с местными инициативными движениями как одного из средств преодоления социального кризиса.

Постепенное включение или скорее вползание России в глобальное культурное пространство втягивает ее в орбиту целенаправленного группового воздействия тех групп интересов, которые организуют западное социокультурное поле. Формирование западных потребительских стандартов причудливым образом сочетается с потребностью в экзистенциальной безопасности, падение авторитета власти — с общественным запросом на власть сильную и авторитетную. На уровне большого мегаполиса — ареала наиболее широкого распространения индивидуалистического сознания — это сочетание поддерживает отношения политического торга власть — патрон и население — клиент, где связующим звеном выступают группы интересов. Реализация масштабных "знаковых" проектов не только закрепляет такую систему взаимной поддержки, но и служит средством подлинного или мнимого, виртуального приобщения к тому квазикультурному продукту, который подается как неотъемлемая часть западной системы ценностей. Протест традиционалистов против модели догоняющей модернизации в условиях расширения качественных характеристик глобального культурного пространства принимает форму вызова процессам демократизации, если рассматривать их как необходимый этап политического развития любого общества, переживающего период модернизационных сдвигов¹.

Однако на вопрос о том, работает ли деятельность групп интересов в российском социокультурном поле на перспективу демократизации, вряд ли можно дать однозначный ответ. Дисбаланс в сторону корпоративных интересов, навязывающих стереотипы стиля жизни, и элитных узкогрупповых интересов, предлагающих знаковые проекты культурного потребления как предметы политического торга, не уравновешивается ни деятельностью многочисленных, но маломасштабных альтернативных неполитических инициатив, ни последовательной государственной политикой в культурной сфере. В этом смысле и западная парадигма, и российский социокультурный контекст как в кривом зеркале отражают дисбаланс в сторону элитных групп интересов, а сами проблемы культурной идентичности оказываются в центре ожесточенной политической борьбы.

¹ Подробнее об асимметричности процессов демократизации в различных регионах мира и возможном характере глобальной демократической цивилизации см.: *Диллигенский Г.Г.* Глобализация: Перспективы демократии // *Полития.* 1999. № 3. С. 88-93.